

А. П. ЧЕХОВ
В ВОСПОМИНАНИЯХ
СОВРЕМЕННИКОВ

СБОРНИК

Под редакцией
А. К. КОТОВА

О Г И З
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1 9 4 7

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

К тридцатилетию со дня смерти А. П. Чехова

А. П. Чехов последних шести лет — таким я знала его: Чехова, слабеющего физически и крепкого духовно, — Чехова, как-то необыкновенно просто, мудро и красиво относившегося к разрушению своего тела из-за того, что «бес вложил в меня бацилл».

Впечатление этих шести лет Чехова — какого-то беспокойства, метания, — точно чайка над океаном, не знающая, куда присесть: смерть отца, продажа Мелихова, продажа своих произведений Марксу, покупка земли под Ялтой, устройство дома и сада, и в то же время сильное тяготение к Москве, к новому, свежему театральному делу; метание между Москвой и Ялтой, которая казалась уже тюрьмой; женитьба, поиски клочка земли недалеко от трогательно любимой Москвы и уже почти осуществление мечты, — ему разрешено было врачами провести зиму в средней России, — мечты о поездке по северным рекам, в Соловки, в Швецию и Норвегию, в Швейцарию, и мечта последняя и самая сильная, уже в Шварцвальде, в Баденвейлере, перед смертью — ехать в Россию через Италию, манившую его своими красками, соком жизни, главное, музыкой и цветами, — и все эти метания, все мечты были прикончены 2/15 июля его собственными словами «Ich sterbe». («Я умираю»).

...Мы увиделись впервые и познакомились 9 сентября 1898 г. — знаменательный и на всю жизнь незабываемый день.

Никогда не забуду ни той трепетной взволнованности, которая овладела мною еще накануне, когда я прочла записку Владимира Ивановича о том, что завтра, 9 сентября, А. П. Чехов будет у нас на репетиции «Чайки», ни того необычайного состояния, в котором шла я в тот день в Охотничий клуб на Воздвиженке, где мы репетировали, ни того мгновения, когда я в первый раз стояла лицом к лицу с А. П. Чеховым.

И все были захвачены необыкновенным, тонким обаянием его личности, его простоты, его неумения «учить», «показывать». Не знали, как и о чем говорить... А он смотрел на нас, то улыбаясь, то вдруг необычайно серьезно, с каким-то смущением, пощипывая бородку и вскидывая пенсне... Недоумевал, как отвечать на некоторые вопросы, а мы-то думали, — вот придет автор и откроет нам все тайны, как надо играть «Чайку». Он отвечал как-то неожиданно, как будто и не по существу, как будто и обще, и мы не знали, как принимать замечание, — серьезно или в шутку. Но так казалось только в первую минуту, и сейчас же, подумав немного, чувствовалось, что это сказанное как бы вскользь замечание начинало проникать в мозг и душу, и от едва уловимой характерной черточки начинала вырастать вся суть человека.

И с этой встречи начал медленно затягиваться сложный узел моей жизни.

Зимой 1898/99 г. мы сыграли «Чайку» с большим успехом и весной показывали пьесу автору, приехавшему снова в Москву. Большой успех «Чайки», знакомство с Чеховым, радостное сознание, что у нас есть «свой», близкий нам автор, которого мы нежно любили, — все это радостно волновало нас.

Этой весной я познакомилась ближе с Чеховыми и как-то сразу полюбила всю атмосферу их семьи. Этой весной я ездила дня на три в Мелихово — небольшое имение Антона Павловича, верстах в двенадцати от ст. Лопасня, Курской жел. дор., и все решительно пленило меня там: пленяли радушие, ласковость, уют, беседы, полные шуток, остроумия...

Кончился сезон, и я уехала отдыхать на Кавказ, где жил мой брат с семьей на даче около Мцхета. К этому периоду и относятся первые наши письма¹. Еще в Москве я обещала приехать с Кавказа в Крым, где Антон Павлович купил участок земли и строил дом. Письмами мы сговорились встретиться на пароходе в Новороссийске около 20 июля и вместе приехали в Ялту, где я остановилась в семье д-ра Л. В. Средина², с которой была дружна вся наша семья, а Антон Павлович жил на набережной в гостинице Марино, откуда он ходил ежедневно на постройку своего дома в Аутку, плохо питался, так как никогда не думал о еде, уставал, и, как мы со Срединым ни старались зазывать его под разными предлогами, чтобы устроить ему нормальное питание, — это удавалось очень редко: Антон Павлович не любил ходить «в гости» и избегал обедов не у себя дома, хотя к Срединым он относился с симпатией. У них было всегда так просто и радушно, и все, что бывало в Ялте из мира артистического, литературного и музыкального, все это посещало всегда Срединых (Горький, Найденов, Аренский³, Васнецов, Ермолова).

В августе мы с Антоном Павловичем вместе уехали в Москву и ехали на лошадях до Бахчисарая, через гору Ай-Петри... Хорошо было покачиваться на мягких рессорах, дышать напоенным испарением сосны воздухом и болтать в милом, шутилом чеховском тоне, и подремывать, когда сильно припекало южное солнце и морило душу зноем...

В Москве Антон Павлович пробыл недолго и в конце августа уехал обратно в Ялту, а уже с 3 сентября начинается наша переписка. В конце марта 1900 г. труппа Художественно-общедоступного театра решила приехать в Крым с пьесами «Чайка», «Дядя Ваня», «Одинокое» и «Гедда Габлер»⁴.

Я приехала еще на страстной с Марьей Павловной, и как казалось уютно и тепло в новом доме Антона Павловича, который летом только еще строился и был нежилым... Всё интересовало, каждый пустяк; Антон Павлович любил ходить и показывать и рассказывать, чего еще нет и что должно быть со временем, и, главное, занимал его сад, фруктовые посадки...

По утрам Антон Павлович обыкновенно сживал в саду, при нем всегдашние адъютанты—две собаки дворняжки, которые откуда-то появлялись и приживались очень быстро благодаря симпатии, с которой Антон Павлович относился к ним, и два журавля с подрезанными крыльями, которые были всегда около людей, но в руки не давались.

В это же время был в Ялте и А. М. Горький, входивший в славу тогда быстро и сильно, как ракета. Он бывал у Антона Павловича, и как чудесно, увлекательно, красочно рассказывал о своих скитаниях. И он сам, и то, что он рассказывал, — все казалось таким новым, свежим, и долго и молча сидели мы в кабинете Антона Павловича и слушали, слушали...

Тихо, уютно и быстро прошла страстная неделя, неделя отдыха, и надо было ехать в Севастополь, куда прибыла труппа Художественного театра. Уже начались приготовления к спектаклям, приехал Антон Павлович, и жизнь завертелась... Начался какой-то весенний праздник...

Пересхали в Ялту, и праздник стал еще ярче, нас буквально засыпали цветами... И закончился этот праздник феерией на крыше дачи гостеприимной Ф. К. Татариновой, которая с такой любовью относилась к нашему молодому театру и не знала, как и чем выразить свое поклонение Станиславскому и Вл. И. Немирович-Данченко, создавшим этот театр. Артисты приезжали часто к Антону Павловичу, обедали, бродили по саду, сидели в уютном кабинете, и как нравилось все это Антону Павловичу, — он так любил жизнь подвижную, кипучую, а тогда у нас все уповало, кипело, радовалось...

Жаль было расставаться и с югом, и с солнцем, и с Чеховым, и с атмосферой праздника... Но надо было

ехать в Москву репетировать. Вскоре приехал в Москву и Антон Павлович, — ему казалось пусто в Ялте после жизни и смятения, которые внес приезд нашего театра, но в Москве он почувствовал себя нездоровым и быстро вернулся на юг.

Я в конце мая уехала с матерью на Кавказ, и каковы были удивление и радость, когда в поезде Тифлис — Батум я встретила Антона Павловича, Горького, Васнецова, д-ра Алексина, ехавших в Батум⁵. Ехали мы вместе часов шесть до ст. Михайлово, где я с матерью пересела на Боржомскую ветку.

В июле я снова гостила у Чеховых в Ялте.

Переписка возобновляется с моего отъезда в Москву в начале августа по 23 октября и прерывается приездом Антона Павловича в Москву с пьесой «Три сестры» до половины декабря, когда Антон Павлович отправляется на юг Франции, в Ниццу, где он прожил около трех месяцев, сильно волнуясь ходом работ в театре над постановкой «Трех сестер».

В Москве он смотрел «Когда мы, мертвые, пробуждаемся»⁶. К Ибсену Антон Павлович относился как-то недоверчиво и с улыбкой, — он казался ему сложным, непростым и умствующим. Постановке «Снегурочки»⁷ А. П. тоже не очень сочувствовал; он говорил, что мы пока не должны ставить такие пьесы, а придерживаться пьес типа «Одиноких». Переписка тянется с 11 декабря 1900 г. по 18 марта 1901 г. В начале апреля я не надолго приезжала в Ялту, а с половины апреля идет опять переписка.

Таковы были внешние факты. А внутри росло и крепло чувство, которое требовало каких-то определенных решений, и я решила соединить мою жизнь с жизнью А. П.

* * *

В половине мая 1901 г. Антон Павлович приехал в Москву. 25 мая мы повенчались и уехали по Волге, Каме, Белой до Уфы, откуда часов шесть по жел. дор. в Андреевский санаторий около ст. Аксеново⁸. По дороге навестили в Нижнем-Новгороде А. М. Горького, отбывавшего домашний арест⁹.

В Аксенове Антону Павловичу нравились природа, длинные тени по степи после шести часов, фыркание лошадей в табуне, нравились флора, река Дема (Аксаковская), куда мы ездили однажды на рыбную ловлю. Санаторий стоял в прекрасном дубовом лесу, но устроен был примитивно, и жить было ему неудобно при минимальном комфорте. Даже за подушками пришлось мне ехать в Уфу. Кумыс сначала пришелся по вкусу Антону Павловичу, но вскоре надоел, и, не выдержав шесть недель, мы отправились домой в Ялту через Самару по Волге до Царицына и на Новороссийск. До 20 августа мы пробыли в Ялте, затем мне надо было возвращаться в Москву, — возобновлялась театральная работа.

И опять начинаются разлуки и встречи, только расставания становятся еще чувствительнее и мучительнее, и уже через несколько месяцев после первой же из них я стала сильно подумывать, не бросить ли сцену. Но рядом вставал вопрос, — нужна ли Антону Павловичу просто жена, оторванная от живого дела; я чуяла в нем человека-одиночку, который, может быть, тяготился бы ломкой жизни своей и чужой. И он так дорожил связью через меня с театром, возбуждившим его живейший интерес.

Я невольно с необычайной остротой вспомнила все эти переживания, когда много лет спустя, при издании писем Антона Павловича, я прочла его слова, обращенные к А. С. Суворину еще в 1895 г.: «Извольте, я женюсь, если вы хотите этого. Но мои условия: все должно быть, как было до этого, то есть она должна жить в Москве, а я — в деревне (он жил тогда в Мелихове), и я буду к ней ездить. Счастья же, которое продолжается изо дня в день, от утра до утра, я не выдержу. Я обещаю быть великолепным мужем, но дайте мне такую жену, которая, как луна, являлась бы на моем небе не каждый день».

Я не знала тогда этих слов, но чувствовала, что я нужна ему такая, какая я есть, и все-таки после моей тяжелой болезни в 1902 году я опять серьезно говорила с нашими директорами о своем уходе из театра, но встретила отпор.

С той поры жизнь А. П. больше, чем прежде, делится между Москвой и Ялтой; начались частые встречи

и проводы на Курском вокзале и на вокзале в Севастополе. В Ялте «надо» было жить, в Москву «тянуло» все время. Только зиму 1903/04 года доктора разрешили ему провести в столице, и как он радовался и умилялся на настоящую московскую снежную зиму, радовался, что можно ходить на репетиции, радовался, как ребенок, своей новой шубе и бобровой шапке!

* * *

Первое представление «Вишневого сада» было днем чествования Чехова литераторами и его друзьями¹⁰. Его это утомляло, он не любил показных торжеств.

Первое представление «Чайки» было торжеством в театре, и первое представление последней его пьесы тоже было торжеством, но как непохожи были эти два торжества! Было беспокойно, в воздухе висело что-то зловещее. Не знаю, может быть, теперь эти события окрасились так благодаря всем последующим, но что не было ноты чистой радости в этот вечер 17 января, — это верно. Антон Павлович очень внимательно, очень серьезно слушал все приветствия, но временами он вскидывал голову своим характерным движением, и казалось, что на все происходящее он смотрит с высоты птичьего полета, что он здесь ни при чем, и лицо освещалось его мягкой, лучистой улыбкой, и появлялись характерные морщины около рта, — это он, вероятно, услышал что-нибудь смешное, что он потом будет вспоминать и над чем неизменно будет смеяться своим детским смехом...

Вообще Антон Павлович необычайно любил все смешное, все, в чем чувствовался юмор, любил слушать рассказы смешные и, сидя в уголке, подперев рукой голову, пощипывая бородку, заливался таким заразительным смехом, что я часто, бывало, переставала слушать рассказчика, воспринимая рассказ через Антона Павловича. Он очень любил фокусников, клоунов.

Даже за несколько часов до своей смерти он заставил меня смеяться, выдумывая один рассказ. Это было в Баденвейлере¹¹. После трех тяжелых, тревожных дней ему стало легче к вечеру. Он послал меня

пробежаться по парку, так как я не отлучалась от него эти дни, и, когда я пришла, он все беспокоился, почему я не иду ужинать, на что я ответила, что гонг еще не прозвонил. Гонг, как оказалось после, мы просто прослушали, а Антон Павлович начал придумывать рассказ, описывая необычайно модный курорт, где много сытых, жирных банкиров, здоровых, любящих хорошо поесть краснощеких англичан и американцев, — и вот все они, кто с экскурсии, кто с катания, с пешеходной прогулки, одним словом, отовсюду собираются с мечтой хорошо и сытно поесть после физической усталости дня. И тут вдруг оказывается, что повар сбежал и ужина никакого нет, — и вот как этот удар по желудку отразился на всех этих избалованных людях... Я сидела, прикурнув на диване после тревоги последних дней, и от души смеялась. И в голову не могло притти, что через несколько часов я буду стоять перед мертвым телом Чехова!

В последний год жизни у Антона Павловича была мысль написать пьесу. Она была еще не ясна, но он говорил мне, что герой пьесы, ученый, любит женщину, которая или не любит его, или изменяет ему, и вот этот ученый уезжает на Дальний Север. Третий акт ему представлялся именно там: стоит пароход, затертый льдами, северное сияние, ученый одиноко стоит на палубе, тишина, покой и величие ночи, и вот на фоне северного сияния он видит — проносится тень любимой женщины...

* * *

Антон Павлович тихо, спокойно отошел в другой мир. В начале ночи он проснулся и первый раз в жизни сам попросил послать за доктором. Ощущение чего-то огромного, надвигающегося придавало всему, что я делала, необычайный покой и точность, как будто кто-то уверенно вел меня. Помню только жуткую минуту потери: ощущение близости массы людей в большом спящем отеле и вместе с тем чувство полной моей одинокости и беспомощности. Я вспомнила, что в этом же отеле жили знакомые русские студенты — два брата, и вот одного я попросила сбегать за доктором, сама пошла колоть лед, чтобы положить на сердце умираю-

щего. Я слышу, как сейчас, среди давящей тишины июльской мучительно душной ночи звук удаляющихся шагов по скрипучему песку...

Пришел доктор¹², велел дать шампанского. Антон Павлович сел и как-то значительно, громко сказал доктору по-немецки (он очень мало знал по-немецки): «Ich sterbe». Потом взял бокал, повернул ко мне лицо, улыбнулся своей удивительной улыбкой, сказал: «Давно я не пил шампанского...», покойно выпил все до дна, тихо лег на левый бок и вскоре умолкнул навсегда... И страшную тишину ночи нарушала только, как вихрь, ворвавшаяся огромных размеров черная ночная бабочка, которая мучительно билась о горящие электрические лампочки и металась по комнате...

О. КНИППЕР-ЧЕХОВА. «ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ»

Воспоминания Ольги Леонардовны - Книппер-Чеховой (р. в. 1870 г.) воспроизводятся по тексту, напечатанному в газ. «Известия», 1934 г. 14 июля; более подробно были опубликованы в «Переписке А. П. Чехова и О. Л. Книппер» (ГИХЛ, 1935 г.), т. I под заглавием «Несколько слов об А. П. Чехове».

¹ Первое письмо Чехова к О. Л. Книппер из Мелихова от 16 июня 1899 г.

² *Средин* Леонид Валентинович (1860—1909), врач. Жил в Ялте по болезни. Дом Срединых в Ялте служил центром общения многих выдающихся людей из мира артистического, литературного и музыкального.

³ *Аренский* Антон Степанович (1861—1906), композитор.

⁴ См. примечание 24 к воспоминаниям К. С. Станиславского.

⁵ Эта поездка на Кавказ, — как сообщил нам Алексей Викторович Васнецов, сын художника, — была предпринята по инициативе Виктора Михайловича Васнецова.

⁶ «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» — пьеса Ибсена, шедшая в Московском Художественном театре.

⁷ Пьеса А. Н. Островского в стихах; о постановке ее в Московском Художественном театре см. в книге К. С. Станиславского «Моя жизнь в искусстве», глава «Линия фантастики».

⁸ Андреевский санаторий находился в Уфимской губ. близ ст. Аксеново. Чехов и О. Л. Книппер жили там летом 1901 года.

⁹ А. П. Чехов и О. Л. Книппер навестили Горького в Н.-Новгороде 26 мая 1901 г. Горький в это время отбывал «домашний арест» после освобождения его из тюрьмы.

¹⁰ 17 января 1904 года в Художественном театре.

¹¹ Лечебный курорт в Германни, где умер А. П. Чехов.

¹² Доктор *Шерер*, лечивший Чехова.